

политика

М.В.Ильин
К ОТВЕТУ!

КОНЦЕПТ ПРОТЕСТА КАК ИСХОДНЫЙ МОМЕНТ КАТЕГОРИИ ПОДОТЧЕТНОСТИ¹

Ключевые слова: права и свободы, протест, провокация, демонстрация, манифестация, протестные акции 2011—2013 гг.

¹ При подготовке статьи использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Сравнительный анализ понятийного аппарата англоязычной и русскоязычной политологии» № 13-05-0046 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (Учитель-Ученики), а также проекта «„Good Enough Governance“ в условиях режимных трансформаций: качество заимствованных институтов в странах догоняющего развития», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Активизация протестных действий на рубеже и в начале второго десятилетия нынешнего века совпала с началом нового этапа политического развития. Многочисленные и разнообразные выступления протеста определили характер «арабской весны». Ими оказались охвачены города ведущих стран Запада (достаточно вспомнить «Occupy Wall Street»). Россия, Украина и другие страны нашего исторического пространства тоже пережили и переживают всплески протестной активности.

Лозунги и заявления протестующих дают основания связывать их выступления с мощным усилением процесса демократизации. Логично даже предположить, что протесты являются симптомами новой, уже пятой по счету волны демократизации. Подобный демократический пафос протестов позволяет рассматривать их также как исходный момент обновления практик и институтов подотчетности — важнейшей, по сути дела ключевой стороны современной демократии. Концептуализация протеста задает когнитивные рамки для использования подотчетности. Но для участников протестных действий сама когнитивная схема протеста остается далеко не ясной.

Российские коллеги-политологи зафиксировали данное обстоятельство уже вскоре после поднявшейся в декабре 2011 г. волны протестных выступлений. Она выявила ряд важных аспектов нашего нынешнего положения, а также состояния умов. Действительно, гражданский протест востребован значительной частью наших соотечественников, особенно образованных, инициативных, живущих в Москве и некоторых других крупных городах. Этот протест потенциально способен заполнить роковое зияние между двумя замеченными Пушкиным крайностями: «народ безмолвствует» и «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Однако основная масса населения не только не готова к протестным действиям, но и не в силах понять их смысл и значение. Неспособны адекватно отреагировать на них и власти предрержащие. Сами же участники публичных гражданских акций воспринимают свои действия плоско и поверхностно. От них все еще скрыты культурные смыслы протестов, демонстраций и манифестаций.

Эти смыслы не лежат на поверхности. В словарях можно найти лишь их следы, косвенные отражения, отблески. Требуется усилие,

чтобы извлечь из культурных традиций — нашей собственной и тех, где они зародились, — сохраненное в них понимание сути дела.

Реконструкцию следует начать с неожиданного на первый взгляд слова *провокация*. В современном русском языке его смысл редуцирован до действий агента-provokatora, открывающего ящик Пандоры. Не так в языках и культурах, откуда мы заимствовали это понятие. Например, английское прилагательное *provocative* означает «побуждающий», нередко даже «вдохновляющий» и лишь потом «вызывающий» и «провокационный». То же касается и глагола *provoke*. На первом месте идут такие значения, как «волновать, возбуждать, привлекать внимание», затем «раздражать, сердить» и только после этого «провоцировать». Оказывается, что мы усвоили лишь малую толику смысла, самую узкую, последнюю по счету его модификацию. Чтобы называть вещи их подлинными именами и адекватно действовать (вспомним завет Конфуция об «исправлении имен»), нужно выявить межкультурную генеалогию смыслов, обратившись к истории слов. И тогда мы увидим, что очевидный нам итог вытекает из далеко не очевидного начала. А в начале культурной традиции провоцирования лежит идея защиты своих прав.

Норма защиты и утверждения своих гражданских прав вопреки их ущемлениям была закреплена уже в римском праве. На латыни данное понятие выражалось словом *provocatio*, происходящим от глагола *provoco, provocare*. Этот глагол обладает вполне ясной внутренней формой, так как состоит из приставки *pro-* (направленность вперед, адресность) и корня, по смыслу связанного с *громким обращением, криком* (например, обозначающего «голос» — *vox*, а также «вещание, призывание» — *voco, vocare*, «качества звучности» — *vocalis* и т.п.). В языке римского права присутствовали понятия *вызова в суд (vocatio)* и *апелляции (provocatio)*; последнее было исходно связано с раннеполисной (или даже родовой?) практикой непосредственного обращения к народному (племенному?) собранию с жалобой на обиду, с требованием восстановления справедливости, особенно если та была попрана ошибочным решением вождей.

Любопытна переключка этого понятия — и этой практики — с современной, но столь же базовой категорией *голоса (voice)*, предложенной Альбертом Хиршманом, наряду с категориями *лояльности (loyalty)* и *выхода (exit)*, для характеристики способов человеческого участия в разного рода организациях.

Лексиконцепт *протестация (protestatio)* в значении торжественного заявления, провозглашения появляется, судя по словарным данным, в христианских текстах, хотя отложительный глагол *protestor, protestari* — «торжественно заявлять, провозглашать, свидетельствовать» — известен позднеклассической латыни (Квинтилиан и др.). Глагол же *testor, testari* («призывать в свидетели, свидетельствовать, завещать»), равно как и отглагольные существительные *testimonium* («свидетельство») и *testamentum* («завещание»), — вполне распро-

страненные юридические термины. Этимологически они происходят из реконструируемого выражения *ter sto* — «встаю третьим», i.e. свидетельствую или посредничаю в споре двух сторон, откуда и произошло слово *testis* — «свидетель, очевидец, свидетельство, доказательство». Таким образом, в основе смысловой конструкции данных лексиконцептов лежит трехчленная когнитивная схема двух оппонентов и решающего арбитра, которая крайне важна для понимания дальнейшего смыслового развития идеи утверждения *своего*, а тем самым — и *общего* права.

В христианской традиции лексиконцепт *testimonium* — «завет» (Ветхий и Новый *Заветы*) — приобретает ключевую роль, выражая фундаментальную идею ковенанта, то есть договора избранного народа со Вседержителем, а он выражен библейским словом *ברית* (*bərit*). Смысл этого слова довольно широк, а его этимология не слишком надежна, хотя аккадский корень *brt* может указывать на глубинную семантику связи, связывания. Дальнейшее развитие — мистическая связь между Божественной Троицей и новыми людьми, или новым человечеством, структурно воспроизводящая Ветхий Завет, но осуществленная через посредничество Христа и его Благой Вести (Евангелие как Новый Завет).

История последующего развития лексиконцептов *провокация* и *протестация* связана с концептуализацией духовного конфликта, возникшего в преддверии перехода от постцивилизационной хризалиды западного христианства к Современности. Лексиконцепт *протестация* дал обобщающее имя *протестантизму* — настоящей волне пересмотра существа церковной и политической организации на значительной части территории Западной Европы. Здесь опять-таки, по всей видимости, использовалась древняя трехчленная когнитивная схема конфликта двух сторон и подключения решающего арбитра. Применившая эту схему «страдающая сторона» (реформаторы) обвиняет папский престол в разрушении основ христианского порядка и апеллирует (еще один важный термин римского права *appellatio*) к высшему авторитету — Евангелию как к источнику восстановления (реформации) истинного церковного и политического строя, искаженного «обидчиком». Фактически же происходит апелляция к рядовым прихожанам и низовым конгрегациям, которые и становятся судьями в конфликте двух сторон.

С протестантизмом возникает и культурная форма протеста как способа и разновидности политического действия, функционирующая на основе тринарных концептных конструкций. В этих конструкциях связь создается «голосом» (*voice*). Протестующие апеллируют к высшей инстанции по поводу ошибочных действий земных властей, а те реагируют признанием своей подотчетности, ответственности. Отвечают в буквальном смысле исправлением своих коррупционных практик.

Несколько иная ситуация складывается в зоне Контрреформации. Там утверждается четкое разделение официальной и частной сфер деятельности, что вызывает к жизни различные формы «двоемыслия»,

а также жесткие противопоставления политических позиций на основе бинарных концептных конструкций. Происходит резкое разграничение официальной и неофициальной морали, форм добродетели и благочестия, политических порядков и т.п. Здесь протест становится «безгласен». Он реализуется путем «выхода» (*exit*) в либертинаж или иные неофициальные практики, во внутреннюю эмиграцию.

Дальнейшие трансформации лексиконцептов *провокация* и *протест* (*протестация*), по всей видимости, связаны с влиянием революционных сдвигов, порожденных Великой французской революцией. Оно повлекло за собой установление прямой и даже, может быть, жесткой связи между протестом, провокацией и революционным действием как таковым. Отсюда смысловая редукция, замена трехчленных конструкций двучленными (право—левыми), когда протест, провокация и революционные действия ассоциируются с разрушением, обычно насильственным, старого порядка. Такое понимание предполагает непрременную связь протеста с отказом от прежних конвенций, то есть восприятие его как неконвенционального действия. Протест оказывается эквивалентен «выходу» за пределы старого порядка, началу его разрушения.

Исходная тринарная модель протеста получила развитие в странах англосаксонской зоны и, по мере углубления процессов политической модернизации, утверждения конституционности и представительного правления, других европейских регионах. В данном случае именно конституция принимает на себя роль квазисакрального авторитета, своего рода арбитра в опротестовании гражданами правонарушающих действий правящих кругов, то есть в отношениях режима и оппозиции.

В современной политической литературе и дискурсе соперничают два основных понимания протеста. Первое исходит из революционаристских установок и бинарных моделей, из практик «выхода», акцентируя неконвенциональность протестных действий. Второе предполагает использование практик «голоса», апелляцию к общественному мнению из-за некоей обиды, которая обычно связана именно с нарушением конвенций — писанных или неписанных, с явно или неявно выраженным требованием восстановить попранную конвенцию.

Набросанная краткая схема была бы неполна, а тем самым ущербна и обманчива без отсылки к важнейшим из сопутствующих слов, смыслов и практик протеста.

Прежде всего это *петиция* (*petitio*). В римском праве это индивидуальное или коллективное прошение, а также действие, предшествующее рассмотрению казуса в суде и обуславливающее начало судебного процесса. В политическом плане петиция связана с гражданской инициативой утверждения прав и свобод, как только идея таких прав и свобод появляется в жизни европейских стран. Известна, например, замечательная «Петиция о правах» (*Petition of Right*), направленная королю Карлу I английским парламентом в мае 1628 г. и после ее

«принятия» (в буквальном смысле) королем ставшая «второй Великой хартией», а в дальнейшем — одним из ключевых актов английской конституции.

Кстати, и сама Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*) приобрела свой нынешний конституционный характер после принятия в 1215 г. королем Иоанном Безземельным петиции, или так называемых «баронских статей»². Большинство пунктов этого документа были преобразованы и развиты новыми конституционными актами. Прямое действие сохраняют лишь три — 1-й³ (свободы, предоставленные церкви Англии и всем «свободным людям королевства», *to all the Freeman of our Realm, omnibus liberis hominibus regni nostri*), 9-й (свободы, закрепленные за Лондоном, то есть за его горожанами) и, наконец, 39-й (право на справедливый суд равных в соответствии с «законом страны», i.e. со своего рода протоконституцией, *per legale iudicium parium suorum vel per legem terre*).

С эмансипацией прежде подчиненного населения и зарождением массового общества появились новые возможности петиционирования. Так, еще в первой половине XIX столетия чартисты предприняли три мощные попытки представить парламенту (точнее, по букве британской конституции, королю в парламенте — *king in parliament*) всенародно подписанные петиции, которые должны были стать Народной хартией (*People's Charter*). В июле 1839 г. парламент подавляющим большинством голосов отверг петицию с 1280 тыс. подписей; та же участь постигла и петицию 1842 г., под которой подписалось более 3 млн. человек. Тогда (в 1848 г.) была подготовлена новая петиция. По утверждению одного из лидеров чартистов Фергюса О'Коннора, под ней стояло уже 5 млн. подписей, однако комиссия парламента насчитала только 2 млн., причем среди них оказались подписи королевы Виктории, герцога Веллингтона, апостола Павла и т.п. Это дискредитировало петицию, и она не рассматривалась. Тем не менее процесс расширения корпуса граждан и распространения политических и избирательных прав, начатый в 1832 г., продолжился.

Массовое петиционирование принесло свои плоды. В современном конституционном праве появился институт народной законодательной инициативы. В немецком языке он обозначается словом *Volkspetition*.

Важнейшая культурная модель отстаивания своих прав и утверждения верховенства права заключается, таким образом, в ясном формулировании требований (констатации прав) в форме обращения к законодателю с дальнейшим превращением этих требований, после должного принятия их законодателем, в положения закона, а то и органического закона, конституции. Данная модель была полностью проигнорирована участниками протестных акций зимы 2011/2012 гг. Требования были расплывчаты и обращены в никуда. Никакого правового их санкционирования не предполагалось. Да и сам законодатель объявлялся «нелегитимным» (абсурдная формулировка и по словам, и по смыслу,

² Впоследствии этот документ по меньшей мере четырежды уточнялся, вплоть до создания в 1297 г. его эдвардианской версии, которая и считается юридически значимой.

³ Здесь и далее нумерация пунктов приводится по эдвардианской версии.

но об этом в другой раз). Наконец, что особенно важно с точки зрения политической прагматики, эти требования не подразумевали компромисса с властями. Ни о каком сиюминутном «сговоре», из которого могла бы вырасти долгосрочная практика и соответствующее конституционное право, речь попросту не шла. Никому и в голову не приходила возможность Великой хартии вольностей для России.

Протестные выступления вылились в топанье ногами, хлопанье руками и звонкие выкрики. В нынешнем словоупотреблении подобные акции обозначаются как *демонстрации* и *манifestации*. Сводится ли их культурный смысл к детскому празднику непослушания? Отнюдь нет. При всей яркости и, может быть, необходимости детского праздника непослушания в качестве подготовки к формулированию петиции подлинно современное политическое действие предполагает — в великой формуле Иммануила Канта о Просвещении — выход из самим себе навязанного несовершеннолетия (*aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*). Способность к самостоятельному действию задана культурным кодом и демонстрации, и манифестации. Нужно только этот код расшифровать и усвоить.

Подсказкой при расшифровке культурного и политического смысла демонстрации может послужить сравнение с похожим, однокоренным словом *ремонстрация* или просто *монстрация*. Так назывались жалобы (фактически те же петиции), с которыми английские бароны обращались к своему верховному властителю. Наиболее известны ремонстрации 1297 и 1317 гг., которые, как и в случае с хартиями, вылились в утверждение прав и привилегий. Но самой знаменитой, пожалуй, является так называемая Великая ремонстрация 1641 г. Сформулированные в ней парламентом две с лишним сотни требований, усвоенные впоследствии политической практикой и конституцией страны, в тот критический момент не были приняты короной. Шанс использования трехтактного хода «голос—отклик», закольцовывания протеста подотчетностью был упущен, что привело к революции и гражданской войне. Это грозное предупреждение безответственным и неподотчетным властям, которые склонны демонстративно игнорировать протесты.

Вернемся, однако, к содержанию понятий. Что же говорит нам содержащийся в словах *демонстрация* и *ремонстрация* корень *мон* (индоевроп. *men)? Что предполагается вновь (re) и кому-то (de) делать, совершать? Для тех, кто знает латынь и имеет представление о культурной практике римлян, ответ лежит на поверхности. В памяти всплывает *mens, mentis* — «ум, мышление, дух, совесть, намерение». Помните: *mens sana in corpore sano* («здоровый дух да обретет здоровое тело» — таков более точный смысл фразы Ювенала, обычно искажаемый банально-«физкультурной» формулировкой)? Однако сами разум и дух связаны, как показывает однокоренной недостаточный глагол *memini, meminisse*, а также русские глаголы *помнить* и *мнить*, с припоминанием чего-то крайне важного, ключевого для всего нашего бытия. Итак, демонстрация в ее полном культурном смысле не детская шалость,

а напоминание себе и другим — и тем, кто демонстрирует, и тем, кому демонстрируется, — общих и глубинных оснований духа и смысла совместного существования. Демонстрация призвана соединять, а не разъединять.

Ну а теперь о *манифестации*. Здесь тоже богатейшая традиция накопления смыслов, идущая от античности через христианскую эпоху к нашим дням. Для нас латинское по происхождению слово *манифестация* звучит далеко не так содержательно, как греческие *эпифания* и *теофания*, а тем более наше родное *богоявление*. Первоначально греческое слово *Ἐπιφάνεια* («явление над») означало неожиданное и чудесное появление чего-то сокровытого до поры, например зари, а потом и божества, прежде всего лучезарного Феба.

Позднее, уже в христианскую эпоху, *эпифания* превратилась в *теофанию*, а по-русски — в *богоявление*, сначала в явление Христа трем царям-магам после Рождества, а затем в его новое, ожидаемое, второе пришествие. На латыни это называлось *manifestatio*. Внутренняя форма слова на первый взгляд может показаться простой. Первый корень — *man* — обозначает руку. Второй — *fest* — обычно трактуют через реконструируемое причастие **festus*, образованное от тоже реконструируемого бесприставочного глагола **fendo, fendere*. В латыни сохранились его приставочные формы *defendo, defendere* («отражать, защищать») и *offendo, offendere* («ударять, столкнуться»). Так что смысл корня связан, вероятно, с неким воздействием, ударом. Смысл *manifestatio* должен бы читаться как некое воздействие рукой, «рукоприкладство». Это подтверждает наличие у прилагательного *manifestus* такого значения, как «пойманный на месте преступления, схваченный или ударенный рукой».

Давайте, однако, пофантазируем. Попробуем вместо руки, *manus*, поставить ум, *mens*. Получается куда лучше и понятнее — «воздействие разумом». Помните ремонстрацию и демонстрацию? Есть, правда, чисто лингвистические возражения, связанные с необъяснимыми фонетическими трансформациями. Но можно предположить, что здесь сыграла свою роль народная этимология римлян, которые подменили скрытое схватывание разумом конкретным, осязаемым и очень наглядным воздействием рукой.

Но какими бы ни были истоки *манифестации*, в христианскую эпоху это понятие осознавалось как проявление, внесение в мир чего-то чудесного и обшезначимого. Соответствующие культурные практики вполне органично получили развитие в публичных шествиях, смысл которых заключался в закреплении участниками и зрителями общих устремлений, направленных на установление и поддержание общего для них всех политического порядка; в современных условиях — конституционного порядка.

Итак, ключевые культурные смыслы протеста, демонстраций и манифестаций фокусируют внимание на достижении согласия по поводу желаемого порядка, прав и свобод вовлеченных в протесты, демонстрации и манифестации людей, стандартов справедливости и права. Несмотря на широкий спектр вариаций, различия между которыми могут быть очень существенными, и протест, и демонстрации с манифестациями сохраняют свой культурный смысл и функциональность благодаря использованию стратегии «голоса», конструктивному взаимодействию всех участников, включая и приглашенных инициаторами извне, прежде всего властей предрержащих. И наоборот — редукция смысла, обращение к стратегии «выхода», сведение акций к фрагментированному и определяемому контекстом спонтанному самовыражению, к чисто эмоциональным реакциям на обиды (*grievances*) ведет к дисфункции протестных действий. Именно это и происходит на наших глазах. Причин тому много. Но одна из них, и, вероятно, далеко не последняя по значимости, заключается в культурной неподготовленности участников протестных акций. Ну и, конечно, власти, которая и не хочет, и не может осознать свою историческую ответственность.

Что в этих условиях делать нам, политологам и, шире, людям науки? Я думаю, что важнейшей нашей задачей должно стать раскрытие когнитивных схем самой идеи протеста. Такая работа позволит яснее представить возможности и альтернативы протестных действий. А это, в свою очередь, позволит понять, как от исходного момента демократизации в виде протестов перейти к обновлению и реформатированию практик и институтов подотчетности. В некоторых случаях это может быть первоначально даже становление практик *подходящего правления* (*good enough governance*), хотя бы в виде вертикальной подотчетности, «отзывчивости» властей на массовые требования.

Своим казалось бы чисто академическим анализом основных понятий протеста, их внутренней формы и политического смысла мы способны помочь стремящимся к политическому действию людям усвоить необходимые им культурные коды. Мы можем и должны помочь им посмотреть на происходящее вокруг в расширенной перспективе и ретроспективе. Только тогда за деревьями обид и эмоций нынешние поколения протестующих граждан смогут разглядеть конституционный лес прав и свобод — и наших, и других поколений, прошлых и будущих. Только тогда мы, политологи-профессионалы, сможем адекватно разъяснить суть дела и политикам по случаю, и политикам по призванию, что позволит им решать сиюминутные проблемы с оглядкой на долгую традицию свободы, порядка и справедливости, лишь в рамках которой наша жизнь и история приобретают общий смысл.